

Динь-дон, динь-дон...

В доме, где звучала только весёлая мелодия игры, вдруг прозвучал длинный звонок дверного звонка.

Ынхо не обратил внимания на этот звук, полностью сосредоточившись на персонаже в телефоне. Сегодня он обязательно хотел побить рекорд. На этом уровне у него осталось только одно сердечко, и малейшая потеря концентрации была недопустима. В его окружении не было никого, кто играл бы в эту игру, так что попросить сердца было не у кого.

Очаровательный персонаж в форме печенья побежал вправо под весёлую музыку. Шкала здоровья стремительно уменьшалась, но финишная черта была уже совсем близко.

Печенье ловко скользнуло, уворачиваясь от падающих сосуллек. Одно неверное движение — и попытка будет провалена. Ладони вспотели, и Ынхо поспешно перехватил телефон, как вдруг дверной звонок раздался снова.

Ынхо, вздрогнув от этого звука, несмотря на осознание того, что сейчас нужно было прыгать, нажал правой рукой кнопку скольжения. Маленькое крылатое печенье упало в щель, и надпись «Game Over» заполнила весь экран.

— Черт...

Ынхо опустил руку с телефоном вдоль дивана, а другой рукой закрыл лицо.

— Твою ж мать, совсем чуть-чуть же оставалось... если бы перепрыгнул, то выиграл бы!

Динь-дон...

Неважно, осознавал ли дверной звонок бурю эмоций в его душе — ярость, смешанную с досадой, — но пронзительный электронный трель вновь разорвала тишину дома. Уже в третий раз.

Этот ублюдок мог бы просто войти по коду, но нет же — надо в звонок долбить!

Ынхо, раздражённо заворочался на диване.

Было ленивое воскресное утро, когда время словно замедляется. Если бы не его привычка просыпаться с рассветом, Ынхо бы сейчас сладко спал — в это время большинство нормальных людей ещё нежатся в постелях.

Даже те назойливые сектанты, что толпами ходят и допытываются о «не хотите ли поговорить о боге», в такую рань по улицам не шляются. Здравомыслящий человек в это время чужой звонок терзать не станет. Во всей округе был лишь один идиот, способный на подобное.

— Ёбанный в рот! Просто набери код и заходи!

Ынхо, не отрывая взгляда от потолка, рывкнул в пустоту. Послышался весёлый писк — судя по всему, его крик достиг цели, и кто-то бодро вводил цифры на панели.

Тщетность... Всё тщетно...

Еще семнадцать долгих минут ждать появления нового сердца. Он же почти выиграл в этот раз!

С коридора послышалось шлепанье шлепок, приближающееся к гостиной, где лежал Ынхо. Ынхо зло прищурился, смерив взглядом того, кто посмел прервать его драгоценный игровой процесс.

— Ты больной ублюдок! Зная код, ты не мог просто войти, вместо того чтобы жать на звонок с утра пораньше?!

— Это ты орешь с утра. Чего так взбесился?

Дохён, с еще влажными после душа волосами, спокойно опустил рюкзак возле дивана. Казалось, он давно привык к таким вспышкам ярости и даже не воспринимал их всерьез.

— Я в игре был, напугался до смерти из-за твоего звонка! Едва сердечный приступ не получил, идиот!

— Да?

Его равнодушный тон заставил Ынхо фыркнуть от возмущения. Дохён же, будто не замечая этого, расстегнул часы и положил их на край стола.

Обычно, когда человек так бесится, даже из вежливости можно было бы извиниться. Но Ча Дохён, похоже, даже не думал об этом.

— Ну ты и сволочь... — проворчал Ынхо.

Дохён лишь усмехнулся в ответ.

— А вдруг твои родители дома? Если бы я просто ввел код и вошел, они бы испугались.

Откровенно бредовый аргумент. Его мать и отец были теми людьми, которые, даже если бы Дохён ввалился в дверь в час ночи, только спросили бы: «Ты не устал?» — и накормили бы ужином.

То, что они к Ча Дохёну относились теплее, чем к родному сыну, наверное, знали даже бродячие кошки у их дома.

— Господи! На, играй в свою игру!

Дохён швырнул телефон на живот лежащему Ынхо и, словно так и надо, направился в комнату — с непринуждённостью человека, чувствующего себя как дома.

Поглаживая ушибленный ударом живот, Ынхо включил экран. На заставке — фото у бирюзового моря: группа людей, смеющихся под ярким солнцем. Это был снимок с их семейной поездки на Чеджу на первом курсе.

Лицо Ча Дохёна на фото, ещё совсем мальчишеское, светилось озорной ухмылкой, будто он вот-вот затеет какую-то шалость. И остальные — беззаботные, счастливые, с глазами, полными ожидания чего-то хорошего. Сейчас эта картинка казалась почти сюрреалистичной. Возможно, потому что повторить её было уже невозможно.

0, 7, 1, 1 — он медленно ввёл код. На экране появились аккуратные ряды иконок. Ынхо нашёл среди них игру с печенькой и запустил. Судя по длинному списку обновлений, Дохён не заходил сюда с тех пор, как они пару раз сыграли вместе после установки.

— Ё Ынхо, куда ты дел мои спортивные штаны? — раздался голос Дохёна из комнаты.

— А, я их в стирку закинул. Надень любые другие.

— Твои на мне будут короткие.

Усмешка в голосе заставила Ынхо оторваться от экрана и бросить ядовитый взгляд в сторону Дохёна. Тот, подпирая дверной косяк, смотрел сверху вниз с явным удовольствием от ситуации.

177 см — не карлик, конечно, но и не гигант. До 180 не хватало каких-то жалких 3 см, и рост ещё мог прибавиться. В классе он и так был одним из самых высоких.

Но все эти мысли звучали как оправдания, и Ынхо вдруг разозлился. Ча Дохён, ещё в средней школе перешагнувший 185 см, вряд ли понимал, какво это.

— Да просто возьми любые, придурок!

Ынхо швырнул в него подушку, но Дохён ловко поймал её и лишь пожал плечами. Талант доводить людей до белого каления — вот в чём он был настоящий мастер.

Перевернувшись на бок, Ынхо снова уткнулся в экран. Без подушки рука, подпирающая голову, быстро затекла. Он яростно тыкал в медленно ползущую полосу загрузки, мысленно посылая Дохёна куда подальше.

Через мгновение на экране появилась стандартная печенье — та самая, бесполезная на высоких уровнях, но милая в своей простоте.

Приняв кучу «подарков за возвращение», Ынхо заглянул в инвентарь. В правом верхнем углу красовался забитый почтовый ящик. Он ткнул в сверкающий конверт.

— Ким Хёну отправил вам сердечко!

— Ли Юджин прислала звёздную пыль!

— Ким Дохён просит сердца! Нажмите ниже, чтобы отправить!

Десятки сообщений — сердечки, предметы, запросы. И всё это от самых разных людей. Игра уже давно вышла из моды, но череда из ожидающих ответа профилей казалась бесконечной.

Прокручивая список, Ынхо скривился.

— И друзей у этого придурка дофига.

Приятная внешность — вот что вводило всех в заблуждение. Достаточно было провести с ним пять минут, чтобы понять, каков он на самом деле.

«И чё им в нём нравится? Любят глазами, купились на личико и думают, что он хороший парень», — мысленно сокрушался Ынхо, скептически цокая языком.

«Пускать столько сердец по ветру — это неуважение к тем, кто их отправил», — подумал Ынхо, проверяя уровень Дохёна, который всё ещё не выбрался с новичкового острова. Он нажал кнопку начала игры, решив сегодня поднять ему уровень — давно этого не делал.

Пока одинокое печенье без друзей и костюмов бежало вперёд по пустой трассе, Дохён, переодевшись, привычным движением открыл холодильник. Штаны оказались чуть короче, обнажая лодыжки и выступающие косточки.

— Мороженое?

— Угу. Только с шоколадом.

— Вроде такого нет.

Ынхо, поглощенный игрой, ничего не ответил.

Дохён искоса взглянул на Ынхо, растянувшегося на диване в гостиной, но больше не стал спрашивать. Достал двухлитровую бутылку воды, открутил крышку и, не касаясь губами, начал пить прямо из горлышка. В это время из телефона доносились забавные игровые звуки. Вытерев рот, он усмехнулся и направился к дивану.

Ынхо, вопреки ожиданиям, получал настоящее удовольствие от игры на начальном уровне.

Пусть голый базовый печенька двигался немного неуклюже, а отсутствие питомцев и прокачанных предметов заставляло быть осторожным — скопившиеся сердца и свободное время делали процесс расслабленным. Да и короткие несложные уровни проходились на удивление легко.

Печенька с красной ленточкой на шее уже готовилась перепрыгнуть препятствие, как вдруг Ынхо почувствовал холодное прикосновение к лодыжке. Это Дохён, приподняв его ногу, устроился на освободившемся месте.

— Эй, мог бы и на пол сесть.

Без лишних слов Дохён достал из рюкзака книгу и переложил ногу Ынхо себе на бедро. Теперь тот лежал, закинув голень на ногу Дохёна.

«Что за дурацкая поза для двух взрослых парней», — мелькнуло у Ынхо в голове, но вслух он не проронил ни слова. В последнее время Ча Дохён стал чаще инициировать тактильный контакт — возможно, из-за приближающейся годовщины смерти его родителей.

Какой бы взрослой и сдержанной ни была его натура, ему всё ещё только девятнадцать. И какие бы тёплые отношения ни связывали его с их семьёй, это не могло заменить настоящего семейного тепла.

К тому же его единственная сестра, занятая бизнесом, постоянно была в разъездах по странам, так что большую часть времени Дохён проводил в одиночестве.

Как только в голове промелькнули образы родителей Ча Дохёна, погибших в той аварии, во рту тут же появилось горькое послевкусие. Прошло уже два года с тех пор, как эти добрые и

достойные люди ушли из жизни в автомобильной катастрофе — всё случилось, когда Дохён учился в первом классе старшей школы.

Тогда они учились в одном классе. Во время урока Дохёна вызвали в учительскую, а вернулся он с мертвенно-бледным лицом, быстро собрал вещи и ушёл.

На перемене Ынхо, получив запоздалое сообщение, примчался в больницу. В коридоре увидел Дохёна — он стоял, окаменевший, обнимая свою сестру. Массовая авария произошла, когда его родители ехали в поездку в преддверии своей годовщины свадьбы. Они скончались на месте.

На протяжении всех трёх дней похорон семья Ынхо не покидала траурного зала. Несмотря на уговоры сестры Дохёна, сам Ынхо тоже оставался рядом с ним, одетый в чёрное.

Дохён не проронил ни слезы за всё время церемоний. Ынхо не мог понять — то ли это была взрослая стойкость, то ли душевная чёрствость.

Но ярче всего запомнился другой момент — когда после всех обрядов Ынхо случайно увидел Дохёна, рыдающего в одиночестве за зданием. Чёрный траурный костюм, на левом рукаве которого резко выделялась двойная траурная повязка.

Дохён недолго предавался скорби. Благодаря успешному бизнесу сестры материальные трудности им не грозили. Жизнь уже не могла стать прежней, но он постепенно возвращался к привычному ритму.

В те дни Ынхо, кажется, относился к Ча Дохёну с необычной мягкостью. Не из жалости или сострадания — просто вдруг осознал, что этот всегда безупречный, взрослый не по годам Дохён на самом деле такой же подросток, как и он сам. Но прошло всего несколько месяцев, и его характер вернулся к привычному — доказательство того, что люди меняются не так легко. «Как же всё-таки изменна человеческая натура», — с горечью подумал он.

На экране над упавшим печеньем всплыла надпись «Game Over». Ынхо тут же выключил телефон, даже не пытаясь продолжить.

Эти воспоминания полностью отбили желание играть. К тому же стало неудобно — бедро Дохёна, на котором покоилась его голень, было слишком твёрдым и высоким. Дохён, будто не замечая его дискомфорта, спокойно перелистывал страницы книги.

Ынхо положил телефон Дохёна на стол и взял пульт, включив телевизор. Комната тут же наполнилась громким смехом из какой-то передачи. Он не особо хотел что-то смотреть, поэтому просто начал бесцельно переключать каналы.

Без интереса наблюдая за мелькающими картинками, он вдруг остановился на канале с популярным сериалом. На экране двое — мужчина и женщина — полулежали на кровати,

между ними явно сейчас должно было что-то произойти.

Тяжёлые мысли мгновенно испарились — всё внимание теперь принадлежало экрану.

Женщина в безупречном костюме забралась сверху на мужчину. Отталкивая его назад на кровать, она страстно поцеловала — в этот момент заиграла напряжённая музыка.

Сцена продолжилась: её пальцы начали расстёгивать его рубашку. Фоновая музыка стихла, уступив место шелесту ткани и влажным звукам поцелуев.

Ынхо украдкой взглянул на Дохёна. Громкое сглатывание прозвучало особенно отчётливо в тишине комнаты.

Но Дохён, казалось, совершенно не замечал происходящего на экране — его холодные глаза были прикованы к книге. То ли из-за врождённой прохлады его рук, то ли от странного жара, разлившегося по телу после увиденного, но прикосновение к его голени внезапно стало казаться Ынхо чужим.

На экране мужчина, почти освободившийся от рубашки, поменялся местами с женщиной — страсть нарастала. Крупный план — их губы расстаются на мгновение...

«Неужели такие откровенные сцены теперь показывают в прайм-тайм?» — смущённо подумал Ынхо.

Сцена была настолько откровенной, что возрастная маркировка «15+» в углу экрана вызвала недоумение. Для обычного старшеклассника подобные кадры были бы возбуждающими, но свидетелем рядом сосредоточиться на них оказалось неловко. Ынхо нарочно кхыкнул и нарушил молчание:

— Ча Дохён, ты целовался когда-нибудь?

— Что?

Дохён поднял голову с явным недоумением. Ынхо воспользовался моментом, чтобы убавить громкость. Когда влажные звуки поцелуев стихли, в воздухе повисла ещё более неловкая тишина.

Вопрос вырвался спонтанно, чтобы скрыть смущение, но теперь ему искренне стало интересно.

Большинство парней в их возрасте уже хвастались «подвигами» с девушками, раздуваясь от важности, будто это делало их взрослыми. Даже в его компании постоянно трюндели про «кто, где и с кем».

— Ладно, тебе-то наверняка приходилось. Ну как?

Его передёрнуло от собственной фразы — такое обычно слышалось из уст таких, как Ким Гону. Но что странно, он никогда не слышал, чтобы Дохён вообще упоминал кого-то противоположного пола.

Слухи о том, что Дохёну опять кто-то признался в чувствах или что девушки из соседней школы попросили его номер телефона, ходили постоянно. Но чтобы он сам говорил о встречах с кем-то — такого не припоминалось.

— Ё Ынхо, а ты, оказывается, ещё ребёнок, — в голосе Дохёна явственно дрожал смешок.

Технически это была правда (опыта-то действительно не было), но насмешливый тон задел. Ынхо в ответ дёрнул ногой, ударив Дохёна по бедру. Глухой звук удара потонул в смехе — вышло слабо.

Не то чтобы у него совсем не было девушек. Просто все отношения заканчивались, не успев начаться — его называли «слишком колючим» и «безэмоциональным».

В старшей школе девушки сами к нему не подходили. Хотя, если подумать, проблема была не только в этом. Кроме этой банды придурков и Дохёна, у него в принципе не было близких друзей.

Ынхо скривился. Резкий контраст с переполненным сердечками почтовым ящиком Дохёна.

— Говорят, тебе недавно ещё одна номер оставила. Из какой школы? Красивая?

— И где ты только такое выкапываешь?

— Эй, да половина тех, кто болтается после школы на улицах — это мои знакомые. Если послушать, о чем трещат эти сопляки по утрам — папарацци отдыхают. Ладно, хватит переводить тему. Ты целовался или нет?

Уклончивые ответы начали раздражать Ынхо. Когда подобное несли Ким Гону или Со Джэвон, он просто пропускал мимо ушей. Но от Дохёна почему-то хотелось услышать ответ.

— Если так интересно — попробуй сам.

Ынхо повернул голову, поймав его взгляд. Тот всё так же ухмылялся, уткнувшись в книгу — вид поистине невыносимый.

Дохён потянулся за своим телефоном на столе, изгибаясь всем телом. Его живот надавил на голень Ынхо. Казалось, всё в этом парне состояло из мышц — каждое касание ощущалось твёрдым и упругим.

— Ты же знаешь, вокруг меня девчонок нет. Разве у тебя нет кого-то подходящего? Мне бы вполне можно кого-нибудь познакомить, да?

— С твоим-то характером кто выдержит?

Дохён фыркнул, словно насмехаясь, но возразить было нечего. «Ну и сволочь», — пробормотал Ынхо себе под нос.

Откровенная сцена на экране уже закончилась, сменившись офисными буднями героев. Ынхо покрутил в руках телефон, бросив взгляд на Дохёна, который явно не собирался ничего ему рассказывать.

Надув губы, Ынхо какое-то время лежал, безучастно наблюдая за серьёзными разговорами актёров, затем переключил канал. На экране мелькали: ведущий новостей с каменным лицом, весёлая компания за круглым столом, аппетитные блюда в рекламе телемагазина — ничто не могло удержать его внимание надолго.

Как и ожидалось, в воскресное утро по телевизору не было ничего стоящего. Ынхо выключил телевизор, и в доме воцарилась тишина.

Солнце уже сместилось, и длинные тени растянулись по гостиной. Ленивый, скучный выходной.

Не вставая с дивана, Ынхо потянулся, распрямляя руки и ноги. Твёрдое бедро Дохёна по-прежнему служило ему опорой.

В последнее время он ведь вроде бросил тренировки... Неужели мышцы так просто не исчезают? Может, и и ему самому стоит начать заниматься?

Пока он размышлял над этой ерундой, Дохён вдруг сбросил его ногу и поднялся. Его движение к кухне выглядело подозрительно резким.

— Эй, ты чего? Я что, слишком тяжёлый? — проворчал Ынхо, глядя ему в спину.

— Хватит болтать, давай пообедаем. Хочешь рамен?

Дохён наклонился, роясь в нижних шкафчиках. Его голос звучал так же обычно, и Ынхо, расслабившись, снова откинулся назад.

Нащупав рукой маленький пульт от кондиционера на спинке дивана, он нажал кнопку. Раздался короткий «пик», и в комнате загудел низкий звук работающего устройства.

— Эй, не грей воду. Давай лучше закажем что-нибудь? Курицу, например...

— Как скажешь.

«Какой ещё рамён, если он даже готовить нормально не умеет», — пробормотал Ынхо себе под нос и потянулся за телефоном, чтобы заказать еду. Но дотянуться до стола не получалось — ногами не достать, а вставать лень.

Помахав рукой в воздухе пару раз, он сдался и решил просто лежать, пока Дохён не вернётся. Уставившись в потолок, он почувствовал, как солнечный свет, падающий на диван, щекочет ему ноги. В доме царила такая мирная атмосфера, что Ынхо захотелось вздремнуть.

Из кухни доносился лёгкий звон посуды, но вскоре Дохён, кажется, зашёл в соседнюю ванную. За закрытой дверью послышалось журчание воды. Похоже, он умывался — звук не прекращался довольно долго.

Ынхо раскинул руки на диване и закрыл глаза. Близкий гул кондиционера и далёкий шум воды сливались в один успокаивающий белый шум.

Пусть Дохён сам заказывает курицу. Этот привереда опять наверняка захочет жареную... А если ему сказать взять нагетсы, он точно не согласится... Хотя... Что он там делает так долго?

Под ленивыми лучами летнего солнца его сознание начало затуманиваться. Ынхо погрузился в лёгкую дремоту. Звук воды из ванной становился всё тише, пока наконец не оборвался совсем.

***

Пип-пип-пип. Щёлк.

Когда Ынхо лежал на кровати, увлечённо читая манхву, раздался звук открывающейся двери. Проверив время на телефоне, он с удивлением обнаружил, что уже девять часов вечера.

Отложив книгу, он вышел в гостиную, где мама как раз ставила на кухонный стол две большие картонные коробки.

— Что это ты принесла? — поинтересовался Ынхо, оглядывая коробки. — А где папа?

Его мама тяжело вздохнула, поправляя волосы.

— Ох, даже не спрашивай. Сегодня в магазине было столько покупателей, что твой отец остался до закрытия. Похоже, теперь нам придётся работать по очереди — такой наплыв клиентов последнее время.

Она устало опустилась на стул, скинув туфли.

— Что это? Красный женьшень? Мне такое не нужно, — Ынхо открыл одну из коробок и достал индивидуальную упаковку. На красном фоне золотыми буквами гордо красовалось: «Женьшень 6-летней выдержки».

Когда он попытался зубами вскрыть уголок упаковки, мама шлёпнула его по руке.

— Да что ты делаешь?! Положи на место! Это для Дохёна.

— Для Ча Дохёна? С чего вдруг?

— Как «с чего вдруг»? Он же занял первое место в школе на пробных экзаменах! Но сейчас главное — выдержать нагрузку, поэтому мы с отцом купили ему это, когда заказывали для магазина.

— То есть вот это Папе... Это для Дохёна... А где моё?

Ынхо недоумённо смотрел на мать. Как они, целыми днями пропадая в магазине, успевали узнавать такие новости? И почему она переживала о здоровье Дохёна, а не родного сына?

— Ты же сам только что сказал, что тебе это не нужно! — мама сердито хлопнула ладонью по столу. — И зачем баловать женьшенем того, кто даже не учится как следует?

Проблема была не в женьшене, а в том, как естественно Дохён занял второе место после отца в списке её приоритетов. Ынхо горько усмехнулся.

— Оставлю одну коробку у двери. Завтра утром отнеси её Дохёну и положи в холодильник.

— Да ну, напряжно. Пусть сам приходит забирает.

— Лентяй! — мама отвесила ему подзатыльник. — Будешь отвлекать его от подготовки к экзаменам? Сам отнеси и всё!

Получив подзатыльник за своё замечание, Ынхо окончательно убедился — мама явно любит Дохёна больше, чем родного сына.

Дохёну даже не нужно было беспокоиться о вежливости — он мог просто входить, не звоня. Если бы они переезжали, родители первым делом сообщили бы новый код двери именно ему, а не Ынхо.

С досадой вытащив из отцовской коробки пакетик женьшеня, Ынхо раздражённо хлопнул им об стол.

— Вот облом... Теперь из-за этого придётся рано вставать, — проворчал Ынхо, морщась от сладко-горького вкуса, заполнившего рот. Тонкое послевкусие женьшеня ещё долго ощущалось на кончике языка.

***

Ранним утром Ынхо поднял левую руку, чтобы ввести код на дверном замке.

0. 7. 1. 1.

После ввода даты рождения Дохёна раздался звук "биип", и дверь открылась. Первое, что бросилось в глаза в прихожей — аккуратно поставленные чёрные кеды.

Ынхо небрежно скинул свои белые кроссовки, толкнув их в сторону тех самых кед, и прошёл внутрь. Когда он поставил тяжёлую коробку с женьшенем на кухонный стол, раздался глухой стук. Ладони горели.

В доме царил тишина — похоже, Ча Дохён ещё не проснулся. Ынхо, ворочая пакетики с женьшенем, открыл холодильник. Благодаря регулярным визитам уборщицы внутри царил идеальный порядок: контейнеры с гарнирами и аккуратно разложенные фрукты.

Когда он начал перекладывать пакетики в отсек для овощей, холодильник вдруг запищал, протестуя против долгого открытия. Ынхо слегка наморщил лоб.

— Эй, Ча Дохён! Давай подъём!

Он крикнул в сторону закрытой спальни, но в ответ — ни звука. В отличие от него самого, чутко реагирующего на малейший шум, Дохён спал как убитый.

Скомкав пустую коробку и засунув её рядом с мусорным ведром, Ынхо сунул ломтик хлеба в тостер, затем насыпал в миску яркие разноцветные колечки — его любимые хлопья. Оставив дверцу холодильника открытой, он налил ледяного молока, и розово-жёлтые кружочки весело всплыли на поверхность.

Поставив молоко назад, он достал сок и поставил его на стол. Стеклянная бутылка с элитным

морковным соком — явно выбор Дохёна.

Несмотря на то, что завтрак был практически готов, хозяин квартиры и не думал просыпаться.

— Я ему нянька что ли?! — пробормотал недовольно Ынхо и, шаркая ногами, направился к спальне Дохёна.

Он распахнул дверь. Сквозь щели плотных штор пробивался тусклый свет. Посреди большой кровати лежал Дохён — спал в идеально ровной позе, словно не шелохнувшись за всю ночь. Даже чёлка аккуратно лежала на лбу.

Даже во сне уголки его губ слегка приподняты — за 19 лет Ынхо так и не смог к этому привыкнуть. То ли генетика у него такая, что лицо не отекает по утрам, то ли всё дело в этом его дурацком морковном соке. В любом случае — счастливчик.

— Эй, Ча Дохён! Просыпайся и иди умываться!

Ынхо смотрел на неподвижную фигуру, не реагирующую даже на крик. На секунду ему пришло в голову плеснуть в лицо водой, но мысль о мокрой постели заставила передумать. Сильно шлёпнуть по спине тоже было не лучшей идеей — если этот маньяк-мститель проснётся, последствия могут быть непредсказуемыми.

После минутного раздумья Ынхо подошёл к окну и резко дёрнул шторы. Пластиковое кольцо закрипело, и в комнату хлынул яркий свет. Летнее солнце уже высоко поднялось — его лучи буквально заполнили всё пространство.

— М-м-м...

Сзади раздался сонный стон, и низкий, хриплый от сна голос пробормотал:

— Который час?

— Давай поднимайся, семь тридцать уже, — буркнул Ынхо, собираясь уходить.

Как ни странно, Дохён оказался тем ещё соней. Что он делал по ночам — зубрил учебники, что ли?

Убедившись, что Дохён щурится от света, а значит, проснулся, Ынхо развернулся к двери. Теперь можно спокойно идти есть хлопья.

Но в тот момент, когда его пальцы коснулись ручки, его схватили за руку.

Дохён резко дёрнул его к себе, одновременно приподняв край одеяла. Потерявший равновесие Ынхо грузно рухнул на свободную часть кровати.

В следующее мгновение Дохён уже обвил его конечности, словно удав — так, что более субтильный Ынхо оказался буквально заперт в его объятиях.

Что за чертовщина?

Шок сковал всё тело Ынхо — он застыл, затаив дыхание. Потребовалось несколько секунд, чтобы осознать абсурдность ситуации.

Он всего лишь пришёл разбудить Дохёна, а теперь лежит с ним в одной кровати, прижатый к его груди. Спина ощущала каждую мышцу его тела. А в районе поясницы в него тыкалась совсем не двусмысленная выпуклость и твердость...

— Эй! Ты совсем охренел, псих?!

Его возмущённый крик и шорох простыни разорвали тишину. Тёплое дыхание Дохёна на шее заставило мурашки побежать по рукам.

Он никогда не представлял, что окажется в объятиях другого парня. И уж тем более — в постели! Ощущение, будто по телу ползают насекомые, заставило его дёрнуться и начать вырываться.

— Ё Ынхо?..

— Да, ёбанный урод! Ты сбрендил? К чему этот цирк с утра?!

Видимо, чрезмерная паника Ынхо разбудила в Дохёне игривость. Даже осознав, кого он держит в объятиях, он лишь сильнее сжал руки. Его тихий смешок говорил, что эта ситуация кажется ему забавной. Похоже, этот псих с утра решил поиздеваться над ним по-новому.

— Холодно...

— Ты совсем ебнулся? Скоро июль на дворе, какой нахрен холод?! Отцепись, урод! Хватит обниматься, как последний извращенец!

Ладонь Дохёна на его запястье действительно была ледяной, но виной тому было плохое кровообращение, а не погода. Ынхо передёрнулся, мысленно благодаря мать за предусмотрительность с женьшенем. Скоро асфальт начнёт плавиться от жары, а этот придурок ноет о холоде.

Поняв, что вырваться силой не получится, Ынхо резко ударил локтем в бок. Дохён наконец ослабил хватку.

Ынхо моментально подскочил с кровати. Ощущение было такое, будто он пришёл разбудить человека, а вместо этого нарвался на бешеную собаку.

— Ух...

Дохён свернулся калачиком, содрогаясь от боли после сильного удара локтем. Может, Ынхо перестарался, но иначе он бы до сих пор барахтался в постели.

Если разобраться, это была чистая самооборона. Именно Дохён первым напал на добропорядочного гражданина, который пришёл разбудить его и даже приготовил завтрак.

— Псих, ты что, проснулся и сразу с катушек слетел? Если быстро не вылезешь, я уйду без тебя! Серьёзно, больной ублюдок...

Поправив волосы и одежду, Ынхо распахнул дверь, но на прощание всё же бросил взгляд на Дохёна. Тот вовсе не корчился от боли — он смеялся.

Ну конечно. Парень, который ежедневно получает удары на тренировках, не стал бы стонать от такого пустяка. Это осознание разозлило Ынхо ещё сильнее, и он со всей силы пнул его через одеяло.

Захлопнув дверь с грохотом, Ынхо всё же услышал доносящийся изнутри сдержанный смешок. С этим психом ничего не поделаешь. С отвращением поёжившись, он начал яростно чесать руки, будто пытаясь стереть следы прикосновений.

К тому моменту, как Ынхо успел наполовину съесть свою уже размокшую гранолу, в гостиную вышел Дохён — с полотенцем, небрежно наброшенным на плечи.

Дохён, застёгивая рубашку пуговицу за пуговицей, направился на кухню и взял в рот поджаренный тост.

Он всегда застёгивался до самого верха — видимо, ему не было душно. Ынхо, носивший просторные чёрные футболки почти как униформу, никак не мог понять этот стиль.

— Кстати, с чего ты с утра тут объявился?

Пережёвывая хлеб, Дохён наконец озадаченно посмотрел на Ынхо. Тот поспешно начал доедать свою миску с хлопьями.

После того как Ча Дохён объявил, что сосредоточится на учёбе и сократит визиты в их дом, Ынхо неожиданно стал частым гостем в его доме. Детская привычка быть неразлучными давала о себе знать — оставаться одному было скучно, да и мысль о Дохёне, ужинающем в одиночестве в пустом доме, вызвала странное беспокойство.

Хотя если быть честным, главной причиной была свобода — здесь никто не пилил его за бесцельное валяние на диване.

«Беспокоюсь, как он там один» — Дохён, ежедневно ужинавший в школьной столовой перед вечерними, а то и ночными занятиями, лишь презрительно фыркнул бы, узнав об этом. Мать Ынхо, конечно, не догадывалась — она всегда так радовалась, когда сын говорил, что идёт к Дохёну.

Но это касалось только времени после уроков. Утренние визиты вроде сегодняшнего были редкостью — если только не требовалось «одолжить» рубашку или выполнить родительское поручение.

Зачем добровольно смотреть на лицо, которое видел едва ил не ежедневно все свои девятнадцать лет, да ещё с самого утра?

Ынхо был уверен: Дохён тоже не в восторге от встречи с ним сразу после пробуждения.

— А, мама купила тебе женьшень, когда заказывала для отца. Положил в холодильник, в отделение для овощей. Сказала пить по пакетiku каждое утро.

— Передай маме спасибо.

— Сам передай, сволочь. Она ведь обрадуется твоей благодарности куда больше, чем моей. Кажется, она скорее твоя мать, чем моя.

— Опять? В чём теперь дело?

Дохён усмехнулся в ответ на ворчание Ынхо.

— Я что, не выпускник? Она купила женьшень только для отца и тебя, а про меня «забыла». Вот уж действительно — никакой дискриминации.

— Тебе, бездельнику, зачем укреплять здоровье?

— Неужели ты думаешь, что я не стырил пакетик?

Дохён повторил слова матери дословно. «Точно, не моя мать», — раздражённо пробормотал Ынхо, сверля взглядом Дохёна.

Дохён, видимо находивший это забавным, быстро доел оставшийся тост и вытер голову полотенцем. Видя, что тот почти готов, Ынхо вылил остатки хлопьев в раковину — после утреннего происшествия они казались ему безвкусными.

Закатав рукава, он огляделся у раковины. Включил воду, но резиновых перчаток нигде не было видно.

— Оставь, я сам потом помою, — Дохён, оказавшийся внезапно за спиной, протянул руку.

Вспомнив утренний инцидент, Ынхо незаметно напрягся, но тот лишь повернул кран. Шум воды мгновенно стих.

— А... Ну ладно...

Ынхо, почувствовав себя неловко из-за своей чрезмерной реакции, стряхнул воду с рук и взял рюкзак со стула. Дохён тем временем достал из холодильника два пакетика женьшеня и протянул один ему.

— Будешь?..

— Отвали, сволочь. Кушай на здоровье и поступай в Сеульский национальный.

Даже такая ерунда рассмешила Дохёна. Видимо, он и правда был в хорошем настроении с утра.

В прихожей Ынхо наклонился, чтобы надеть кроссовки. За спиной витал горьковатый аромат женьшеня, и во рту вдруг появился тот самый сладковатый привкус, который он ощутил вчера. Пришлось даже сглотнуть слюну.

Лето уже давно вступило в свои права, но по утрам и вечерам ещё сохранялась приятная прохлада. Лёгкий ветерок растрепал волосы Ынхо.

Надев наушники и уткнувшись в телефон, Ынхо машинально откинул чёлку и поднял голову. В трёх шагах впереди виднелась спина Дохёна.

Они редко шли плечом к плечу — обычно Ынхо плелся сзади, поспевая за ним. Отчасти потому, что сам постоянно отвлекался, но больше из-за привычки Дохёна идти прямо, не сворачивая.

Дохён не только не копался в телефоне на ходу, но и музыку не слушал — утверждал, что это мешает думать.

Хотя и учебники со словарями он тоже не таскал — просто засовывал руки в карманы и шёл, глядя перед собой.

Разговаривать по дороге в школу им было особенно не о чем, так что каждый занимался своим — это не казалось странным. Скорее уж синхронный шаг выглядел бы неестественно.

Увлёкшись телефоном, Ынхо часто не замечал, где находится, пока они не проходили школьные ворота. Впрочем, Дохён никогда не заводил его куда-то не туда, так что беспокоиться было не о чем.

Внезапно подняв голову, Ынхо выключил видео и убрал телефон. Дорога в школу, которую он разглядывал, казалась непривычной — листья, ещё недавно переливавшиеся салатovým, теперь густо зеленели, полностью сбросив весеннюю нежность.

Молодые ярко-зелёные листья, только что распустившиеся, и полупрозрачная листва, готовящаяся набрать силу под летним солнцем, колыхались на ветру.

Ынхо ускорил шаг и перебросил руку через плечо Дохёна.

Вышло немного неудобно — тот оказался выше, чем Ынхо думал, и плечо приподнялось под неудобным углом. Но в этот сезон буйной зелени просто обязательно было получить что-то достойное кадра из молодежной драмы.

Чёрт, признавать не хочется, но ему бы роль озорного антагониста, а этому идиоту — доброго главного героя...

— Эй, Ча Дохён. Ты в последнее время встречаешься с кем-то?

Новый порыв ветра заставил листву зашелестеть. Пятнистые тени деревьев на асфальте закачались, а световые блики заплясали на их школьных формах.

Дохён посмотрел на него с немим вопросом, будто не веря своим ушам. Раннее летнее солнце отражалось на его лице, делая недоумённое выражение ещё более явным.

— Серьёзно? Кто это? Я её знаю?

— Для твоей обычной ерунды это довольно креативно.

Услышав это, Дохён рассмеялся и покачал головой, словно не мог поверить такой нелепости.

— Ах ты ж маленький... С чего это ты так ловко обнимаешься? Вечно твердил, что занят учебой, а сам, видать, на свиданки время находил! С каких это пор?

— Какие свиданки? Когда мне, выпускнику, этим заниматься?

— Эй, Ча Дохён, любовь ведь расцветает в трудностях! Знаешь же истории — познакомились в старшей школе, закрутили роман во время подготовки к экзаменам... Может, хватит уже только учиться? Посмотри дораму хотя бы.

Дохён усмехнулся и снял его руку со своего плеча. Ладонь, коснувшаяся запястья Ынхо, была прохладной.

— Видимо, твоё богатое воображение — результат просмотра дорам. Ынхо, кажется, ты нашёл своё призвание.

Казалось, сейчас Дохён наконец даст ответ, но он ловко сменил тему. Теперь Ынхо чувствовал себя как навязчивый режиссёр в плохом фильме.

По мере приближения к школе Ынхо начал замечать украдкой бросаемые на них взгляды. Аккуратно застёгнутая белая школьная форма Дохёна и его собственный небрежный образ — чёрная футболка и рубашка, небрежно накинутая на плечи — создавали разительный контраст.

Хотя в школе все знали об их отношениях, со стороны это могло выглядеть так, будто хулиган пристаёт к примерному ученику. Ынхо досадливо скривил губы.

— Ладно, забей. Мне и неинтересно.

Лёгкая обида закралась в сердце — почему Дохён делает из этого секрет? Но Ынхо не хотел выглядеть дурачком, который ноет из-за ерунды, поэтому сделал вид, что ему всё равно. С кем это он там встречаешься, что даже ему не говоришь? Они же не чужие.

Он ускорил шаг, обогнал Дохёна, но, заметив у ворот учителя, отвечающего за дисциплину, замедлился.

— Чёрт, староста... Давно не показывался.

Пробормотав это себе под нос, Ынхо поспешно натянул рубашку. Жёсткий воротник неприятно защекотал шею.

Он кое-как застегнул несколько пуговиц, но они оказались не на своих местах, из-за чего края рубашки перекошило. Скомканная ткань покрылась складками, но Ынхо не придал этому значения — стоило пройти ворота, и он снова снимет эту дурацкую рубашку. Школьная форма с её тесными плечами и давящим воротником вызывала у него отвращение.

Учитель по дисциплине стоял у ворот, словно страж, постукивая длинной указкой по плечу. Пробираясь сквозь толпу учеников, Ынхо встретился взглядом с недовольным преподавателем, поднявшим одну бровь. Он неуверенно улыбнулся.

— Здравствуйте.

Когда Ынхо кивнул, едва шевельнув губами, учитель махнул указкой в его сторону.

— Ё Ынхо, иди сюда! Это у тебя рубашка надета или накинута? Пуговицы застегнуть не можешь?

— Господи...

— Какой ещё «господи»? Застегнись как положено, до самого верха!

Ха, он и так нормально застегнут! Учитывая, что под низом футболка...

Учителя в этой стране были такими консервативными. Никакого уважения к индивидуальности. Ынхо раздражённо надул губы.

— Здравствуйте.

Ынхо начал застегивать верхние пуговицы, как вдруг услышал голос Дохёна. Подняв голову, он увидел, как тот пристально смотрит на его пальцы. Неужели ему правда так интересно наблюдать за этим? Видимо, зря он вообще зашёл к Дохёну с утра.

Хотя фраза была той же, что и у него, голос учителя вдруг стал заметно теплее.

— О, Дохён пришёл! Сегодня немного опоздал?

— Проспал немного.

— Бывает. Устаёшь ведь. Да ещё и дела в студсовете. Не забывай, что здоровье так же важно, как и учёба.

— Спасибо за заботу.

Ынхо невольно фыркнул, наблюдая, как Дохён слащаво улыбается. Неужели вся социальная жизнь — это вот такое лицемерие? За этой наигранной улыбкой явно скрывалось полное равнодушие, но учитель, похоже, ничего не замечал — он самодовольно похлопал Дохёна по плечу.

— А ты, Ынхо, беги уже. Постарайся приходиться пораньше.

Учитель постучал указкой по его спине, снова приняв строгий вид. Дохёну можно проспать, а ему — «пораньше приходи»? Более лицемерного двойного стандарта и придумать нельзя. Ынхо еле заметно скривил губы.

Переходя школьный двор к главному корпусу, Ынхо снова взглянул на выражение лица Дохёна. Тот смотрел на него своим обычным бесстрастным взглядом. Этот спокойный, словно вопрошающий взгляд заставил Ынхо фыркнуть от нелепости.

— Вау, Ча Дохён. Вот же ты лицемер.

Дохён, наконец поняв намёк, медленно растянул губы в улыбке. Пока они шли, препираясь, количество учеников, кивавших им в знак приветствия, постепенно росло. Конечно, большинство из них было адресовано Дохёну.

Председатель школьного совета, лучший ученик школы Ча Дохён был местной знаменитостью. Младшеклассники, радостно бежавшие к нему, тут же затормозили, завидев рядом ёрничающего Ынхо.

На их лицах читалось изумление — слухи о дружбе лучшего ученика школы Ча Дохёна и хулигана Ё Ынхо оказались правдой.

Хотя большинство третьекурсников знали об этом, ведь Ынхо частенько шлялся в классе Дохёна как у себя дома, для младших это, должно быть, звучало как нелепая выдумка.

Даже сам Ынхо признавал, что они были странной парой. Примерный отличник и хулиган. Всегда аккуратно одетый и прлизанный и причесанный Ча Дохён и неряшливо одетый, встопорщенный как воробей Ё Ынхо. Белая школьная рубашка и мятая чёрная футболка. Между ними из общего был только пол. Вот и вся разница.

— Неплохо идти вместе с тобой, Ё Ынхо.

Дохён произнёс это своим обычным бесстрастным тоном, не меняя выражения лица.

Признаться, жизнь, где приходится скрывать свою истинную натуру и играть роль милого парня, наверняка была не из лёгких. Ынхо вдруг осознал, что Дохён, сам того не показывая, наверняка устаёт от этого.

Совсем забыв, что буквально минуту назад назвал его «лицемером», Ынхо похлопал Дохёна по спине, словно пытаясь подбодрить. Сколько людей смогут сохранять каменное выражение лица, когда столько восторженных глаз смотрят на тебя?

Неожиданно он подумал, что иногда приходить в школу вместе с Дохёном — не такая уж плохая идея. Главное, чтобы не повторились инциденты вроде сегодняшнего утра.

Воспоминания заставили его ударить сильнее.

— Ах ты ж...

Дохён согнулся от удара. Хотя реакция оказалась неожиданно бурной, Ынхо не чувствовал вины — учитывая утренние события, Дохён заслужил ещё пару ударов. Тем не менее, он незаметно ускорил шаг.

— Я вперёд!

Ынхо крикнул это через плечо и рванул к классу. «Это не бегство!» — убеждал он себя, хотя и не стал оглядываться, чтобы проверить, не догоняет ли его разъярённый Дохён.

Позади раздался смешок и что-то вроде «подожди», но он не сбавил скорость. В тёплом ветерке чувствовался травяной аромат раннего лета.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13863/1222385>